

Му Цинхуа впервые встретился с Чжэнь-ваном лишь спустя месяц после своего прибытия в Шочжоу. Чжэнь-ван лично приехал встретить его и пригласил в свою карету, всем видом выказывая глубокое почтение, благодарность и готовность ценить гостя по достоинству.

Му Цинхуа, как всегда, был невозмутим, однако в тот день, когда он покидал Куньчэн, его сердце всё же дрогнуло: тысячи изможденных голодом простолюдинов провожали его в полном молчании.

Движимый этой памятью, Му Цинхуа несколько раз заговаривал с Чжэнь-ваном о необходимости раздать зерно и помочь пострадавшим от бедствия, но тот всякий раз искусно уводил разговор в сторону. В конце концов, Чжэнь-ван и вовсе перестал появляться, присылая своих подчиненных, чтобы те причитали перед гостем о своей нищете.

Взрослые мужики, обливаясь слезами и соплями, расписывали, до какой степени обнищал дворец Чжэнь-вана, утверждая, что им нечем выплачивать жалованье даже прислуге. Му Цинхуа слушал это с трудом, едва сдерживая отвращение.

Чем ближе они подбирались к Сюйаньфу, тем страннее становилась атмосфера. Му Цинхуа, обладавший поразительной проницательностью, сразу почувствовал неладное.

Внешне он оставался безучастным, покорно принимая все распоряжения Чжэнь-вана и даже перестал упоминать о помощи голодающим.

Чжэнь-ван был этим крайне доволен и вновь загорелся идеей переманить даоса на свою сторону. Он не только поселил его во дворце, но и обеспечил лучшим пропитанием и одеждой.

Едва переступив порог резиденции, Му Цинхуа потерял связь с охранниками, приставленными к нему Е Чунланем. Теперь его повсюду сопровождали люди Чжэнь-вана, и лишь сам ван знал, сколько среди них было настоящих соглядатаев.

Увы, этим шпионам было суждено остаться ни с чем. Медитации, чаепития, игра в шахматы, да изредка попытки Чжэнь-вана промыть ему мозги — вот и вся повседневная жизнь Му Цинхуа в стенах дворца.

Или, по крайней мере, та жизнь, которую он «позволял» им видеть.

Му Цинхуа сидел на кушетке, скрестив ноги. Любой сторонний наблюдатель решил бы, что он погружен в медитацию, но кто мог догадаться, что каждое движение Чжэнь-вана находится под его неусыпным надзором?

Еще при входе во дворец Му Цинхуа установил с Чжэнь-ваном ментальную связь. Каждое слово и каждый приказ противника не могли ускользнуть от его слуха. В борьбе с врагом это было лучшим оружием.

Спустя несколько дней слежки он окончательно убедился: Чжэнь-ван действительно готовит мятеж. И не в шестнадцатый год Чунъюань, как говорил Е Чунлань, а в четвертый, сразу после девятого месяца.

Глубокой ночью, когда во дворце воцарилась тишина, Му Цинхуа, как обычно, ускользнул от чужих глаз и с помощью Божественного Перемещения вернулся в покои Е Чунланя. С того дня, когда они предавались ласкам, он не заглядывал сюда. Трудно было объяснить причину — он просто чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя ему очень хотелось снова ощутить вкус этого маленького желтого цыпленка, при мысли о той ночи у него всякий раз краснели уши.

Известие о готовящемся мятеже не вызвало у него шока — скорее, даже обрадовало. Наконец-то появился достойный предлог вернуться, не правда ли?

Вот только момент для возвращения оказался крайне неудачным. При свете ламп, в тишине лунной ночи, его кармический партнер, которого он сам же недавно приласкал и с которым они были в самом разгаре медового месяца, «страстно смотрел» на женщину!

Будучи холодным и отстраненным даосом, он приказал себе сохранять спокойствие и ни в коем случае не обнажать меч. Но стоило ему дать себе этот зарок, как женщина взяла и обняла его партнера! Обняла! Прямо взяла и обняла!

Му Цинхуа рефлексивно схватился за рукоять меча. Он еще не успел применить технику Лянъи, как Е Чунлань, которого только что обнимали, одним взмахом руки отшвырнул прильнувшую к нему женщину.

Раздался разъяренный голос Е Чунланя:

— Ты смерти ищешь?!

Хэ Цинчжэнь, отлетев в сторону, ошеломленно крутила головой, но, несмотря на боль, поползла обратно, умолая:

— Ваше Величество, Ваше Величество... А-Шоу ведь ваш сын, ваш единственный сын! Он пропал, жив или мертв — неизвестно, умоляю, пришлите людей на поиски! Он ведь принц...

Е Чунлань молча смотрел на нее. Его бывшее раздражение сменилось пугающим спокойствием, взгляд стал глубоким и непостижимым. Вдруг он вскинул бровь, на его губах заиграла саркастичная, презрительная усмешка. Склонившись над ней, он произнес сверху вниз:

— Ты уверена, что он принц?

Хэ Цинчжэнь остолбенела. Огромный, всепоглощающий страх начал подниматься из глубины души. Она судорожно вздохнула:

— Ваше Величество, что... что это значит? Ваша наложница... ваша наложница не понимает...

— Я-то думал, моя любимая наложница — женщина умная. Раз не понимаешь, объясню яснее,
— Е Чунлань слегка подался вперед, вглядываясь ей прямо в глаза. — Ты уверена, что А-Шоу — мой единственный сын, а не единственный сын Ци-вана?

Хэ Цинчжэнь издала короткий вскрик и безвольно осела на пол. Ее конечности похолодели, в голове билась лишь одна мысль: он знает. Он знает всё...

Лицо ее стало мертвенно-бледным, глаза наполнились отчаянием.

Глядя в его спокойные, бездонные очи, Хэ Цинчжэнь вдруг пронзила страшная догадка:

— Ты... когда ты узнал? Неужели еще очень давно? А смерть Ци-вана... — на этих словах ее челюсть задрожала, она с трудом сглотнула оставшиеся слова. Если всё было именно так, то насколько же этот человек страшен? Она и Ци-ван воображали, что держат его в своих руках, а на деле оказалось, что охотником был он, а они — лишь двумя кузничиками, попавшимися в его ладони...

Даже когда Хэ Цинчжэнь грубо выволокли из покоев, она так и не смогла оправиться от охватившего ее ужаса. И то, что ждало ее завтра, уж точно не было рассветом.

Двери зала закрылись. Внутри воцарилась тишина. Е Чунлань обернулся, глядя на внутренние покои, скрытые тяжелыми занавесями, и в его глазах постепенно заиграла улыбка.

Стоило ему отодвинуть полог, как холодный блеск меча без предупреждения полоснул по воздуху. Е Чунлань стремительно отпрянул назад, едва избежав удара. К счастью, нападавший не собирался продолжать атаку и замер.

Е Чунлань испуганно прижал руку к груди и воскликнул:

— Убийство собственного мужа! Ну конечно, это же школа Скрытого Меча, съел и не признаешь!

Мало того что не признает, так еще и пытается замести следы, убив свидетеля!

Му Цинхуа холодно усмехнулся, и его рука на рукояти меча напряглась еще сильнее.

Увидев это, Е Чунлань поспешно поднял руки в знак капитуляции. Он не боялся драки — на самом деле, с момента попадания в этот мир он был скован ограничениями и не мог применить свои боевые навыки. Ему очень хотелось размяться, но сейчас у него не было оружия. А без привычного меча он был бы обречен на поражение, а искать себе неприятности он не собирался.

Видя, что тот ведет себя благоразумно, Му Цинхуа сел в стороне, положив меч на колени, и кивнул:

— Что здесь происходит?!

Е Чунлань потер нос, чувствуя себя немного виноватым. Странно, ведь он не сделал ничего плохого, почему же он чувствует неловкость? Однако он никак не мог выдержать прямого взгляда этих чернильных глаз.

— Да этот маленький принц... Вдруг исчез. Хэ Цинчжэнь сошла с ума, переполошила весь гарем, а в конце концов приползла ко мне.

— Как он мог пропасть, если находился в глубине дворца? — Му Цинхуа был озадачен. Хотя дворцовая стража для него самого угрозы не представляла, прорваться внутрь и похитить ребенка было делом практически невозможным.

Подумав об этом, он вскинул бровь:

— Это ты?

— Как можно! — немедленно возразил Е Чунлань. — Хотя я и хочу отомстить за прежнего владельца тела, я не стану сводить счеты с ребенком. Люди из Горной обители Скрытого Меча никогда не трогают стариков, женщин и детей.

Му Цинхуа кивнул:

— В этом дворце не всё чисто. Будь осторожен.

— Я знаю, — ответил Е Чунлань и, пользуясь моментом, придвинулся к нему ближе. Сердце забилось быстрее. Он только протянул руку, чтобы обнять даоса за талию, как вдруг почувствовал порыв ветра, и рука прошла сквозь пустоту.

Му Цинхуа поднялся, подошел к окну и вкратце рассказал о готовящемся мятеже Чжэнь-вана, после чего исчез, воспользовавшись Божественным Перемещением.

Хм, за то, что его только что пытались облапать, он еще легко отделался ударом меча — в конце концов, это было не по его воле. И той пощечиной, которую он отвесил женщине, тоже можно было пренебречь. Но вот это обращение любимая наложница — это уже совсем другое дело. Он всё слышал отчетливо: прямо при своем кармическом партнере называть другую женщину любимой наложницей... Е Эрци, ты просто напрашиваешься на смерть!

<http://bllate.org/book/22147/2307321>